

Скандальные признания

Автор:

Маргерит Кэй

Скандальные признания

Маргерит Кэй

Исторический роман – Harlequin #31

Вдовствующая графиня Кинсейл, леди Дебора Нэпьер, чтобы отвлечься от прошлого и преодолеть природную застенчивость, стала писать скандальные, бесстыдно сладострастные романы о Белле Донне, ставшей ее литературным альтер эго. Чтобы поддерживать интерес читателей к своей героине, Деборе становятся необходимы волнующие эскапады, которые ей может дать Эллиот Марчмонт, бывший офицер, а ныне лондонский взломщик, известный под псевдонимом Павлин. Но это тоже маска, способ графа отомстить за смерть своего лучшего друга. Скрываясь за обликами своих персонажей, Дебора и Эллиот в итоге должны спросить себя: «Кто же мы на самом деле?»

Маргерит Кэй

Скандальные признания

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Пролог

«Настенные фрески были великолепны. Однако их явно выбирал поклонник эклектики. Дионисий[1 - Дионисий – один из известнейших православных иконописцев Древней Руси.] соседствовал с Сапфо[2 - Сапфо – древнегреческая поэтесса.]. Напротив красовалась невозможная, по мнению его светлости, чисто физически композиция мужчины и женщины. Четвертую стену украшал любопытный триумвират, вызывавший у Чарльза Мамфорда, третьего маркиза Розвеля, желание исследовать его подробнее, что в данный момент было затруднительно для него.

– Белла, умоляю, пощади. – Маркиз не привык к роли просителя. В обыденной ситуации он ожидал – считая это своим неотъемлемым правом – незамедлительного повиновения своим приказам. Но положение, в котором он сейчас оказался, даже при всем воображении невозможно было назвать нормальным.

Он был привязан за руку и за ногу к изысканной кровати под балдахином, стоящей посреди комнаты. В разорванной на груди рубашке и грубо спущенных бриджах, шокирующе нагой от шеи до колен, он чувствовал себя невероятно уязвимым.

В довершение всего его хладнокровно разглядывало самое экзотичное и очаровательное создание, какое он когда-либо встречал. В черном бархатном халате с таким смелым декольте, что, казалось, оно держится лишь на силе впечатляющего желания, она являла собой само воплощение здоровой мужской фантазии. Темные шелковистые волосы, струящиеся по спине, прекрасная кожа сливочного оттенка. Полные губы пламенели распутно-красной помадой. С выражением откровенно похотливого желания она поглаживала маркиза черной плеткой-девятихвосткой – толстой и тяжелой. Сцена представляла собой столь превосходную комбинацию чувственности и порочности, что самую мужественную часть его тела обдавало горячим жаром. Чарльз Мамфорд застонал, не зная точно, в тревоге или предвкушении.

Белла Донна окинула пленника томным взглядом. Несмотря на бесспорный факт, что он слыл невыносимым занудой и заслуживал любого наказания, какое она решит ему отмерить, маркиз являл собой образчик великолепной физической красоты. Стройное мускулистое тело было следствием его приверженности дворянскому искусству фехтования. Торс блестел от пота – пленник прилагал значительные усилия, желая высвободиться. Мускулы вздулись веревками в попытке порвать узлы, которые она так умело связала. Темная россыпь волос на

груди стрелой спускалась к плоскому животу. Глаза Беллы расширились, когда она проследила за ней до конца. Похоже, он действительно заслуживал свою репутацию. Она медленно облизнула накрашенные губы. Наказание не исключало и некоторого удовольствия. Особенно для нее.

Белла медленно провела плеткой по телу пленника, глядя, как напрягаются мускулы от прикосновения кожаных хвостов, и игриво дернула его подрагивающий орган.

Его светлость застонал:

- Дьявол, освободи меня.

Белла засмеялась:

- Это в твоём мире твоё слово закон для других, но сейчас ты не у себя дома. В этой мрачной и чувственной стране ночи я королева, а ты - мой подданный. Я освобожу тебя, когда закончу, ни минутой раньше.

- Гореть тебе в аду, Белла! Белладонна! Отличное имя для тебя. Чем я заслужил подобное?

- Ты - мужчина. И это само по себе достаточное преступление, - прошипела Белла, с удовлетворением отмечая, что мужской орган маркиза продолжает увеличиваться.

Она снова щелкнула плеткой, на этот раз более решительно. Кожаные хвосты шурша соприкоснулись с кожей, оставив за собой припухшие полосы. Пленник вздрогнул от боли, но его мужественность горделиво приподнялась. Она задрожала от предвкушения. Они готовы. Все трое.

- Хватит разговоров. - Подбрав юбки, Белла приготовилась его оседлать. - Я знаю, что такое ночная скачка, и вижу, что твой скакун уже гарцует от нетерпения. Но предупреждаю, - шепнула она на ухо, принимая в себя толстое древко его необузданной плоти, - если ты не сможешь поддержать галоп, я без сомнений возьмусь за плетку».

Автор дрожащей рукой положила перо.

«Это самая лучшая и самая скандальная сцена, которую я когда-либо описывала», – подумала она, а вслух произнесла:

– Спокойной ночи, Белла, с нетерпением жду нашей завтрашней встречи.

С улыбкой удовлетворения, совсем иного, чем у Беллы, но тем не менее сильного, она задула свечу и удалилась в свою спартанскую спальню.

Глава 1

Суссекс, февраль 1817

Механизм больших часов на каминной доске пришел в действие. Резкий скрежет так внезапно разорвал тишину, что Эллиот Марчмонт вздрогнул, уронил инструмент и неслышно скользнул в темноту элегантной гостиной, укрывшись за толстыми жаккардовыми портьерами. Тут же засвербело в носу, и он с трудом подавил рвущийся наружу чих. Леди Кинсейл явно не слишком дотошная хозяйка.

Старые каминные часы эпохи Людовика XIV с изысканным циферблатом, которые показывают не только время, но и фазы Луны, начали отбивать полный час. Один. Два. Три. Позолоченный футляр. Бриллианты на циферблате. Очень ценные часы. Он видел похожие в одном огромном особняке в Лиссабоне. Уголки губ Эллиота приподнялись. Он сомневался, что те часы до сих пор на своем месте.

Бой растворился в ночи, и в свои права снова вступила тишина. Эллиот ждал. Минута. Две. Только по истечении пяти он осмелился вновь шевельнуться. Опыт научил его быть осторожным, оставалась опасность того, что бой часов разбудил кого-то в доме. Но все обошлось.

На фоне половинки луны за окном тянулись тонкие ленты облаков, напоминая дымные струи. Эллиот прикрыл носовым платком фонарь, который держал в

руке, и неслышной кошачьей поступью прокрался в другой конец комнаты, к стене с портретом. В тусклом свете с него взирал нынешний лорд Кинсейл, мужчина с мясистым лицом, тонкими губами и набрякшими веками.

- Мерзкий гробокопатель, - зло прошипел Эллиот. - Бесчувственный хлыщ.

Сходство с правительственным министром, который несколько лет назад, в Пиренейскую войну, отвечал за снабжение британской армии, точнее, за отсутствие такового, по мнению человека, который сейчас с презрением глядел на портрет, по-прежнему никуда не делось.

Взгромоздившись на непрочный с виду позолоченный стул, Эллиот аккуратно обследовал картину и издал тихий возглас удовлетворения, когда потайной механизм с еле слышным щелчком открылся. Тяжелая картина автоматически вернулась на место. Эллиот пригнулся, едва не получив по лицу уголком бронзовой позолоченной рамы.

Спустившись на пол, он извлек из просторного кармана пальто набор инструментов и аккуратно вынул отмычку. Сам сейф был старым, но замок граф заменил на более современный. В нем оказалось сразу четыре пластины вместо двух обычных, и Эллиоту понадобилось почти двадцать минут, чтобы закончить свою деликатную работу. Наконец последняя пластина поднялась, и язычок замка отодвинулся. Он со вздохом облегчения раскрыл дверцу сейфа.

Все небольшое пространство заполняли свитки бумаг, перевязанные лентами и скрепленные печатью графа. Под ними лежало несколько кожаных шкатулок. Эллиот без труда открыл их и стал перебирать содержимое. Драгоценности Кинсейлов были превосходного качества, но в удивительно малом количестве. Семейную казну когда-то серьезно проредили. Он пожал плечами. Его не интересовало, что эти люди делали со своими ценностями.

Но того, что он искал, не оказалось ни в одной шкатулке. Эллиот на минуту остановился и поскреб подбородок, в душной тишине послышалось шуршание его щетины. Быстро ощупав заднюю стенку сейфа, обнаружил накладную панель, которая скрывала маленькое углубление. В нем покоился бархатный мешочек. Эллиот развернул найденный приз, и на его лице вспыхнула победная улыбка. Большой голубой бриллиант прямоугольной формы и необычной огранки. «Каратов сто как минимум», - подумал он. Примерно половина

первоначального камня.

Сунув сокровище вместе с отмычками в карман, Эллиот вынул свою «визитную карточку» и аккуратно вложил в сейф. Он уже собирался исчезнуть через дверь в гостиную, но скрип половиц в коридоре заставил его замереть. Возможно, это просто оседал старый дом, но к чему рисковать. Чтобы покинуть особняк Кинсейлов прежним путем через подвальные помещения, надо пробираться через весь дом.

Он ринулся к окну, открыл витражную створку и с проворством, которое могло бы произвести впечатление, но не удивило бы тех, кто служил под началом майора Марчмонта, вскочил на подоконник. Схватился за водосточную трубу, что шла по стене до самой земли, воздал молитву богам, покровительствующим взломщикам, чтобы труба выдержала его вес, и начал свой опасный спуск.

* * *

Когда вдовствующая графиня Кинсейл, леди Дебора Нэпьер, вошла в боковую калитку, что вела из парка в приусадебные сады, конюшенные часы пробили получас. За время ее привычной ночной прогулки небо уже посветлело. Задрожав от холода, Дебора плотнее закуталась в свою накидку. Ярко-алая шерстяная, с коротким, как у мужчин, капюшоном, та выполняла сразу две задачи: не позволяла замерзнуть и скрывала то, что под ней на хозяйке лишь ночная рубашка. Как нелепо, должно быть, она выглядела – в волосах бумажные папильотки, на ногах носки ручной вязки и грубые мужские ботинки. Джейкоб, степенный лорд Кинсейл, пришел бы в ужас, если бы узнал, что, нанося свой обязательный ежегодный визит, вдова его покойного кузена бродит в таком виде по усадьбе длинными бессонными ночами.

Проходя мимо конюшен, Дебора сошла с дорожки на траву, чтобы ботинки не хрустели по гравию, и улыбнулась своим мыслям. Ее маленький бунт ничего не мог изменить, ибо все уже сказано и сделано, но тем не менее он ее забавлял. Господь знает, что между ней и графом существует неприязнь. Он обвинял ее во всем – в безвременной кончине мужа, в долгах, которые тот ей оставил, в позорном состоянии земель и горестной для нее самой неспособности подарить Джереми сына, в котором тот так нуждался. Сильнее всего Джейкоб винил ее как раз в последнем.

«Наверное, я должна быть благодарна, что он до сих пор меня признает, – думала Дебора. – В конце концов, наследница, чье чрево и мощна оказались так бесповоротно пусты, действительно жалкое создание, даже несмотря на то, что именно моя пустая детская отдала Джейкобу титул, на который у него не было никаких прав. Но, увы, я не могу найти в себе и крупицы благодарности за приглашение в этот дом. Я каждый раз заново удивляюсь, как этот проклятый человек может считать, что оказывает мне услугу, приглашая на две мучительные недели туда, где я провела семь мучительных лет».

Она остановилась и посмотрела на луну.

– Не удивительно ли, что я не могу обрести здесь спокойствия?

Но луна безмолвствовала, и Дебора поняла, что снова разговаривает сама с собой. Старая привычка еще с одинокого отрочества. После смерти родителей она жила у дяди и в большой степени была предоставлена самой себе. Потому населяла придуманными друзьями свою классную комнату, списывала тетради по арифметике историями, которые им потом рассказывала.

Однажды ее застала за этим старая гувернантка, неизвестно, как долго стоявшая в дверях, пока Дебора читала вслух один из своих безрассудных рассказов, беспрестанно останавливаясь, чтобы посоветоваться со своими невидимыми друзьями о перипетиях сюжета, но благородной леди этого оказалось достаточно. Она заявила, что ей не по силам такой развитой не по возрасту ребенок. К восторгу девочки, гувернантка их покинула, и дядя решил отослать ее в школу.

– Вряд ли она предполагала, что дарует мне самые счастливые годы за двадцативосьмилетнюю жизнь, – пробормотала Дебора себе под нос.

Ее истории произвели фурор в женском пансионе мисс Килпатрик, помогли преодолеть природную застенчивость и обзавестись настоящими подругами.

И пока она превращалась из юной девочки во взрослую барышню, сюжеты тоже менялись: пиратские абордажи вытесняли призраки и духи, а тех в свою очередь – прекрасные рыцари без страха и упрека, которые дерзко завоевывали прекрасных леди. В ее историях всегда присутствовала тема любви и привязанности, даже в своей ранней детской писанине она часто находила

осиротевшим детям новые семьи или помогала встретиться верной сестре с потерянными братьями. Однако последние два года пансиона преобладали романтические отношения, ее герои пускались в опасные путешествия ради какой-то невыполнимой задачи, а девушки восставали против жестоких опекунов и рисковали жизнью и здоровьем ради мужчины своей мечты.

Дебора устраивалась у скудного огня в девичьей гостиной и, занимаясь вышивкой, пересказывала зачарованной аудитории созданные воображением притчи. Придуманные миры увлекали, и девушки вздрагивали, когда мисс Килпатрик стучала в дверь и напоминала, что пора в постель.

– Наступит день, – говорила она своей лучшей по дружге Беатрис, – и все это будет происходить с нами. Скоро, как только мы уедем отсюда...

Но Би – старшая дочь богатейшего ланкширского фабриканта, красивая практичная девушка, куда искушенной самой Деборы, в ответ только смеялась.

– Деб, честное слово, пора уже тебе понять, что таких романов, как ты придумываешь, просто не бывает. Никто не влюбляется с первого взгляда, а если и влюбляется, то очень быстро остывает. Я не хочу, чтобы мой муж целовал мой подол или хватался за сердце всякий раз, когда я вхожу в комнату. Я хочу быть уверенной в том, что он окажется рядом, когда я буду в нем нуждаться, и не станет транжирить деньги за игорным столом. И не уйдет сражаться с драконами, когда у нас к ужину приглашены гости.

Меньше чем через год Би вышла замуж за старшего сына другого фабриканта. В своих откровенных письмах Деборе, тогда еще живущей взаперти в доме опекуна, она писала, что он очень хороший муж. Переписка с ней и всеми остальными подругами одно из многих, чего лишил ее Джереми. Не то чтобы запрещал писать, просто она была не в силах прикрывать яркими красками ужасную действительность своего брака. А теперь, хотя муж и умер два года назад, уже слишком поздно.

Подавленность и тоска, часто накрывавшие ее в последние месяцы, сейчас усилились, как всегда во время ежегодных визитов в Кинсейл-Мэнор. Они обволакивали ее черным, беспросветным облаком. Смерть Джереми даже близко не дала того радостного освобождения, на которое она надеялась. В последнее время ей и вовсе стало казаться, что она сменила одну тюрьму на другую.

Оказалась во власти одиночества, но боялась его нарушить. Она не перенесет, если кто-то узнает правду, эта бездна в конце концов поглотит ее самое.

Она жила безрадостно, но понятия не имела, как это изменить и возможно ли жить иначе. В своей обособленности она, по крайней мере, чувствовала себя в безопасности, и это немного утешало. Никто не сможет причинить ей вреда. Она больше этого не позволит.

Порыв ветра распахнул ее накидку. От холодного ночного воздуха открытая кожа покрылась пупырышками. Дебора поняла, что слишком надолго потерялась в воспоминаниях. Вряд ли ей удастся уснуть, но, если сейчас не вернуться в дом, наверняка подхватит простуду. Нельзя давать повод леди Маргарет, запуганной жене графа, склонной от отчаяния хвататься за любого союзника, просить Дебору продлить свой визит в поместье.

Опустив голову и придерживая рукой накидку, она заторопилась к боковой двери в восточном крыле. Проходя под окнами длинной гостиной, услышала как ой-то скрежет и остановилась. Она не сразу догадалась посмотреть вверх и едва успела заметить, что за стену цепляется черная фигура. Та рухнула прямо на нее.

Он был на высоте футов пятнадцати, когда ослабла скоба, крепившая водосточную трубу к стене. Опасаясь, что труба может совсем оторваться, Эллиот выпустил ее из рук и понадеялся, что трава смягчит приземление. Он не ожидал упасть на что-то куда более мягкое.

– Ох! – послышался откуда-то снизу сдавленный женский голос, и на него глянуло мертвенно-бледное лицо с распахнутыми от испуга глазами и идеально округленным ротиком.

Эллиот почувствовал на щеке дыхание, которого чуть ее не лишил, и быстро прикрыл ей рот рукой.

– Не пугайтесь, я не причиню вам вреда, клянусь.

Тонкие брови недоверчиво вскинулись, глаза прикрыли тяжелые веки. Какие у нее глаза? Карие? В такой темноте он не был уверен. Брови светлые. Она молотила руками по его бокам. А тело у нее такое мягкое и податливое. Он осознал, что лежит на ней сверху самым неподобающим образом, одновременно поняв, насколько это восхитительное ощущение. Похоже, под накидкой на ней только ночная рубашка. Он чувствовал, как при каждом вздохе поднимается и опадает ее грудь. А губы под его ладонью были приятно теплыми.

Пару секунд он наслаждался неожиданным удовольствием физической близости, после вернулся к действительности.

С большой долей вероятности эта женщина сама графиня Кинсейл.

И она поднимет тревогу при первой же возможности.

А если его поймут, то отправят на виселицу.

Надо уходить. И как можно скорее!

Одним быстрым движением Эллиот вскочил и потянул за собой ошеломленную женщину. По-прежнему закрывая ей рот одной рукой, другой обвил ее за талию. Стройную талию. Кроме того, она довольно высокая для леди. Графу повезло, черт его подери.

– Вы обещаете, что не закричите, если я уберу руку? – тихо спросил он.

Вновь вскинутые брови и негодующий взгляд, по которому ничего нельзя понять. Он решил рискнуть.

– Я причинил вам боль? Но, как вы, надеюсь, понимаете, я не ожидал, что вы там окажетесь, – сказал он.

– Как и я.

Она говорила хриловато, но, возможно, потому, что он чуть не выбил из нее дух. У нее было необычное, незабываемое лицо, которое привлекало куда больше, чем яркая красота. На полных губах играла недоверчивая усмешка.

Никаких слез или истерики. Лицо выражало надменность и, как ни удивительно, некоторый интерес.

Эллиот почувствовал, что его губы растягиваются в ответной улыбке.

– Несмотря на приятность – для меня, во всяком случае, я не имел намерений смягчать свое приземление с вашей помощью.

– Рада, что смогла вам услужить. – Дебора ошеломленно смотрела на него. – Но, бога ради, что вы там, на высоте, делали? – Она понимала, что задает невероятно глупый вопрос.

Не очень-то он похож на взломщика, правда, она не знала, как они выглядят. Надо позвать кого-то на помощь! Однако она не испытывала ни страха, ни желания закричать. Чувствовала себя, как это ни отвратительно, заинтригованной. И встревоженной ощущениями. Мужское тело, приникшее к ней. Прикосновение к губам его ладони...

– Что вы делали на стене дома?

Эллиот усмехнулся:

– Боюсь, именно то, что вы подозреваете, леди Кинсейл.

Уж точно пора звать на помощь, но Дебора все же этого не сделала.

– Вы меня знаете?

– Я знаю о вас.

– О... – Она поплотнее закуталась в свою накидку. – Я не стала одеваться, не ожидала здесь кого-то встретить, – смущенно объяснила она, надеясь, что в темноте он ничего не заметит.

– Я тоже не ожидал.

Взломщик фыркнул. От этого хрипловатого чисто мужского смеха по ее коже пробежала дрожь. У него поразительное лицо с отчетливыми чертами, густыми бровями и глубокими складками по обеим сторонам рта. Глаза, казалось, видели слишком много в этой жизни. Ожесточенное лицо, таившее в себе опасность. Однако глаза светились состраданием и, еще более удивительно, честностью. Незабываемое лицо, и очень притягательное. Она встретилась с ним взглядом, и все вокруг, казалось, на несколько секунд замерло. Между ними вспыхнула и сразу исчезла молния, пролегла едва ощутимая нить... что-то, чему она не могла подобрать названия.

– Мне жаль, что я вас встревожил, – после паузы произнес он, – если кто-то и виноват в моем здесь присутствии, так это ваш муж.

Дебора подумала, уж не спит ли она.

– Но Джереми – мой муж – он...

– Очень удачливый человек, – криво улыбнулся Эллиот. – Спасибо, что не стали кричать и звать на помощь. Я перед вами в долгу. – Он знал, что не должен этого делать, но не мог удержаться. – Позвольте засвидетельствовать вам мою благодарность. – Он притянул ее к себе, и она не оказала сопротивления. Ее губы коснулись его губ – теплое, сладкое прикосновение, очень мимолетное. Он с большой неохотой выпустил ее из объятий. – Мне надо идти, – грубо заявил он. – А вы, мадам, делайте то, что сочтете нужным.

– Пойдите. Я даже не знаю, как вас зовут.

Взломщик снова рассмеялся.

– Я могу представиться, но тогда мне придется убить вас, – ответил он уже на бегу, пересекая лужайку.

Потрясенная до глубины души, она смотрела, как темная фигура растворяется в темноте. Конюшенные часы пробили полный час. А где-то над ее головой раздался резкий перезвон других часов. Она подняла голову и увидела, что окно длинной гостиной распахнуто. Французские часы, должно быть, это их она слышит. Дебора коснулась губ, которые поцеловал взломщик. Поцеловал ее! Обычный вор!

Нет. Может, он и взломщик, но отнюдь не обычный. Он изъяснялся как образованный человек и вел себя, словно привык отдавать приказы. В пальто из отличной шерсти. И, если подумать, в отличных, до блеска начищенных сапогах. От него пахло чистым сукном, ветром и чуть-чуть потом. А еще кожей и лошадьё. Она подумала, что он, очевидно, привязал где-то поблизости своего коня, напрягла слух, но ничего не услышала. Только свист ветра в голых ветвях деревьев.

Она должна разбудить графа. Или, по крайней мере, слуг. Дебора нахмурилась. Что бы этот человек ни украл, он явно преследовал какую-то тайную цель, поскольку при нем не было мешка награбленного. Возможно, какие-то бумаги? Несмотря на огромную неразбериху в делах Джереми, на которую его кузен не упускал возможности пожаловаться, имя лорда Кинсейла еще играло заметную роль в правительстве. Может, этот человек шпион? В таком предположении куда больше смысла, и хотя война давно закончилась, это явно не препятствие. Но он ни словами, ни видом не походил на предателя.

Дебора издала приглушенный смешок, в котором неожиданно прозвучала истерическая нотка. Она совершенно не представляла, как должен выглядеть шпион.

Впрочем, это не имеет никакого смысла. Ей запоздало пришло в голову, что лорд Кинсейл, увидев ее на улице в ночной рубашке глубокой ночью, этого не поймет и не одобрит. Захочет узнать, почему она сразу не подняла тревогу, и что ей ему ответить? Кроме того, вор ей не угрожал. Она даже не сильно-то испугалась, скорее... скорее что?

Мысль, что предстоит мучительный допрос Джейкоба, натолкнула на решение. Она не даст ему лишней возможности обращаться с ней как с ничтожеством.

Пора бы уже вырваться из его цепких лап и этого гиблого места. Слабое утешение, очень слабое, но неспособность родить наследника имела и свое преимущество. Она не обязана поддерживать тесные отношения с семьей своего покойного мужа. Может, лорд Кинсейл и жалел каждый пенни ее жалкого вдовьего пособия, которое еще и постоянно задерживал, но вряд ли откажется платить совсем. Так или иначе, она решительно настроена прожить без него. Это ее последний визит в Кинсейл-Мэнор, дьявол заведи все последствия!

Заметно приободрившись, Дебора аккуратно закрыла за собой входную дверь и взбежала на третий этаж в свои покои. Что бы ни унес с собой этот дерзкий взломщик, пусть это обнаружится утром. Он скрылся, и разбуженные домочадцы его не вернут.

С широким зевком она сбросила с себя накидку, распустила шнуровку грязных ботинок, скинула их и сунула за буфет, подальше от любопытной горничной. Мельком глянув на себя в зеркало, скорчила гримасу. Выражение лица взломщика перед поцелуем не оставляло сомнений, даже несмотря на ее папильотки. Не то чтобы она была в этом экспертом, но тем не менее не сомневалась. Он хотел ее.

Дебору окатила волна жара. Интересно, каково это – подчиниться ему? Она подтянула простыни повыше, зачарованная этой мыслью. Желание. Она обхватила себя руками, закрыла глаза и вызвала в памяти бархатистое прикосновение его губ. Соски под ее пальцами набухли, перед закрытыми веками полыхнуло алым. Желание, обостренное опасностью. То самое темное похотливое желание, что возносило к самым высотам страсти Беллу Донну – героиню скандальных романов, ставшую постоянной темой в светском обществе. Желание, которого она никогда не испытывала.

Желание. Дебора скользнула в приветственные объятия темной постели, ее руки медленно прошлись по хлопковой ночной рубашке до самого низа. И даже дальше.

Стиснув закрытые веки, она отдалась воображаемым ласкам сильного и опытного любовника.

Утром она проснулась гораздо позже обычного и, выплывая из глубин сна, услышала оглушительные крики и шум домочадцев. Одевшись в плотное кашемировое платье – Кинсейл-Мэнор, по причине своего древнего возраста и скупости последнего хозяина, был неприятно холодным и продуваемым домом, – Дебора стала снимать папильотки перед зеркалом. По причине стесненных средств она не могла позволить себе роскоши держать личную горничную, хотя леди Кинсейл усиленно предлагала ей свою «дорогую Доркас». Однако та была строгим и чопорным созданием и твердо верила, что вдова должна убирать волосы под капор и скреплять их целой батареей острых шпилек, чем острее,

тем лучше.

Потому приходилось самой заниматься своим туалетом почти всю жизнь. Она быстро сделала себе прическу, закрепила повыше длинные белокурые локоны и перекинула их через плечо. Платье тоже было ее творением, простое синее, без всяких французских штучек и оборочек, столь любимых «Репозиториум Акермана».[3 - «Репозиторий Акермана» – модный иллюстрированный журнал начала XIX века, издававшийся в Англии.]

Она ненавидела траурные платья, которые приходилось носить после смерти Джереми, превращавшие ее в старуху. Однако понадобилось целых шесть месяцев после официального года траура, чтобы от них отказаться. Она оценила сообщаемую ими безликость. И созвучно с другими подобными, пусть и цветными платьями, синими, серыми, коричневыми, которые носила сейчас, Дебора чувствовала в душе какую-то неопределенность, незавершенность. Словно заброшенный недорисованный холст.

Эти уничижительные мысли прервал торопливый стук в дверь.

– Прошу прощения, ваша светлость, его светлость просит вас срочно спуститься в длинную гостиную.

Горничную просто распирало от новостей, она даже не успела сменить коричневый фартук, в котором утром разжигала камин.

– Там уже всех собрали, – сообщила она Деборе и потрусил по узкому коридору, соединявшему самое старое, и самое сырое и холодное, крыло Кинсейл-Мэнор с главным домом. Его строил еще прадед Джереми. – Хозяин хочет знать, не слышал ли кто-то его.

– Слышал кого? – переспросила Дебора, отлично понимая, что девушка могла иметь в виду только одного человека – взломщика.

Ей надо было разбудить Джейкоба, но даже сейчас ни капли не сожалела, что не сделала этого. Если уж совсем начистоту, то какая-то часть ее души, крошечная и злорадная, которой она ничуть не гордилась, даже радовалась. Ну, или по меньшей мере не переживала. Джейкоб забрал у нее то, что не успел забрать Джереми. И какой бы ценной ни была та вещь, ее кража Дебору ни на йоту не

волновала. Более того, она и дальше будет молчать о том, что видела. Ни за что не признается, как бродила по окрестностям, чтобы не спровоцировать очередную проповедь. Ни за что!

– Прости, что ты говорила? – Дебора осознала, что горничная все это время что-то рассказывала. Они уже подошли к гостиной. Дверь была широко распахнута, и сквозь проем виднелась длинная шеренга слуг. Весь штат Кинсейл-Мэнор. В торце комнаты, под своим собственным портретом, стоял лорд.

– Нам лучше побыстрее войти, миледи, – прошептала горничная. – Кроме нас, все уже в сборе. – Она быстро перебежала к служанкам, беспокойной толпой окружившим домоправительницу. Миссис Чемберс, бывшая здесь кастеляншей еще при Деборе, неодобрительно глянула на нее.

Привыкшая к такому обращению, Дебора прошла через всю комнату и приблизилась к графу. Портретная рама была открыта как дверца, за ней виднелся сейф. На губах Деборы мелькнула горькая улыбка. Джереми показывал ей сейф, когда они только поженились, хотя в те времена его скрывал портрет старого графа.

– Наша казна пуста, – сообщил ей тогда Джереми. – Хотя это не надолго, спасибо тебе, моя дорогая женушка.

Потом он узнал, что придется ждать несколько лет, прежде чем она сможет вступить во владение майоратом и всем своим состоянием, но его отношение изменилось не с этой новостью, а когда он перестал притворяться.

Ей не надо было выходить за него. Но сейчас не время снова погружаться в это болото. Бледная – бледнее обычного – леди Кинсейл восседала в позолоченном кресле и казалась такой же испуганной, как и сама Дебора. Она подошла к жене графа.

– Кузина Маргарет. – Дебора упорно отказывалась называть лорда Кинсейла титулом своего мужа, но за его женой его признавала. Они не состояли в родстве, такое отношение спасало их от неприятной ситуации с двумя графинями Кинсейл в одном доме. – Боже, что произошло?

– О, кузина Дебора, случилось нечто ужасное. – Голос леди Кинсейл звучал еле слышно, под стать ее бледному виду. – Какой-то вульгарный взломщик...

– Отнюдь не вульгарный, – прервал ее муж. Лорд Кинсейл и при обычных обстоятельствах бывал вспыльчив и легко краснел. Этим же утром он напоминал перезрелый помидор. – Ты знаешь, сколько сейчас времени, кузина?! – взорвался он.

– Четверть десятого, если можно верить часам, – ответила Дебора. Она выбрала место рядом с его женой и, отряхнув юбки, села.

– Конечно, им можно верить. Это часы эпохи Людовика XIV! О французах можно говорить что угодно, но в часах они определенно знают толк, – раздраженно заявил лорд Кинсейл. – Авторитетные люди даже говорили, что их собирали для самого герцога Орлеанского.

– Жаль, что эта реликвия уже не хранится в его семье, – напряженно сказала Дебора. – Терпеть не могу, когда вещи забирают у их законных владельцев.

Лорд Кинсейл выглядел таким высокомерным, таким жалким и таким раздувшимся от самомнения, что она всегда удивлялась, как он еще не лопнул с громким треском. Но он отнюдь не дурак.

Граф сузил глаза.

– Если бы ты была моему кузену лучшей женой и не позволила бы ему за время вашего брака разорить наши поместья, они были бы сейчас не при мне, а при твоём сыне. Если бы ты была лучшей женой, кузина Дебора, не сомневаюсь, ему бы не пришлось искать утешения в игорных домах Сент-Джеймса. И он не оставил бы своему преемнику несколько жалких фартигов.

Дебора вздрогнула и разозлилась на себя за то, что ее задела эти жестокие слова. Хотя какая-то ее часть, стойкая ко всем увещаниям, сочла их правдой. Она была ужасной женой, но это не означало, что она должна принимать как должное осуждение Джейкоба, сама себя она судила куда строже. И будь она проклята, если станет извиняться за свое замечание о часах!

– Продолжай, ты можешь меня не стесняться, Джейкоб, – сказала она с чопорной улыбкой.

Лорд Кинсейл с негодованием посмотрел на нее, потом повернулся спиной и, шумно откашлявшись, обратился к слугам.

– Как вам уже известно, Кинсейл-Мэнор ограбили, – объявил он. – Из этого сейфа похищена самая ценная вещь в доме. Могу добавить, он оснащен одним из самых сложных современных замков. Следовательно, это не обычный грабитель. Бесстыдный мошенник, угрожающий светскому обществу похуже чумы.

Его светлость поднял руку с каким-то предметом и театрально помахал им перед своей аудиторией. Все как один ахнули. Кое-кто из слуг облегченно выдохнул, ибо стало ясно, что прислугу никто не подозревает.

Дебора поначалу не поняла значение предмета. Не обычное перо, а очень приметное, длинное с сине-зеленым глазом. Павлинье перо. Значит, прошлой ночью на нее свалился знаменитый Павлин!

Ну и ну! Она столкнулась с Павлином или, точнее, Павлин столкнулся с ней! Дебора вполуха слушала, как Джейкоб обличает его преступления, и пыталась осознать случившееся. Без удивления смотрела, как слуги по очереди отрицают, что слышали или видели нечто необычное. То же самое и с другими преступлениями Павлина. Никому не удавалось застать его за «делом», даже мельком увидеть, как он уходит. Он обводил вокруг пальца всех сыщиков с Боу-стрит, приходил и уходил неслышно, как кошка. Уже почти два года никому не удастся его поймать. Он открывал замок любой сложности и проникал в самые охраняемые дома.

Когда гостиная наконец опустела, лорд Кинсейл снова обратил свое внимание на Дебору.

– А ты? – требовательно поинтересовался он. – Ты не видела этого мошенника?

Она вспыхнула. Одному Богу известно, сколько у нее было возможностей, но она так и не привыкла вилять и уклоняться от ответов.

– С какой стати я могла что-то видеть?

– Я знаю о твоих ночных прогулках, – сказал лорд Кинсейл.

Дебора вздрогнула.

– Да ты и выглядишь виноватой. Я не такой дурак, каким ты меня считаешь, кузина. – Он позволил себе небольшую улыбку и продолжил: – Мой главный конюх видел, что ты бродишь по парку, как призрак.

– Я никогда не считала тебя дураком, только бесчувственным. Да, я выхожу ночью подышать, в этом доме у меня проблемы со сном.

– Без сомнения, из-за нечистой совести.

– Из-за воспоминаний.

– Скорее из-за неприкаянных душ, – мрачно парировал лорд Кинсейл. – Но ты не ответила на мой вопрос.

Дебора прикусила губу. Она знала, что должна ему рассказать, но просто не могла заставить себя говорить. Тайная обида на совершенно необоснованное и предубежденное отношение и гнев на собственную трусость вылились в бунтарский порыв.

– Я ничего не видела.

– Ты уверена?

– Абсолютно. Ты не сказал, что именно украли, Джейкоб.

– Очень ценную вещь.

Встревоженная такой уклончивостью, она вопросительно подняла бровь.

– К чему такая таинственность? Это были правительственные бумаги? Боже мой, Джейкоб, – притворно ужаснулась она. – Только не говори, что потерял какой-то секрет государственной важности?

– Это была личная вещь. Мое недавнее приобретение. Я не хочу уточнять, – взорвался лорд Кинсейл.

– Но сыщикам с Боу-стрит тебе все же придется рассказать.

– Расследование будет конфиденциальное. У меня нет желания, чтобы имя Кинсейлов полоскали в скандальной хронике.

Дебора была заинтригована. Джейкобу явно неуютно отвечать на вопросы. Взгляд, брошенный на Маргарет, подсказал, что ее светлость также не в курсе. Велик был соблазн расспросить Джейкоба подробнее, но интуиция подсказывала помалкивать. Кроме того, она сомневалась, что сможет продолжать лгать, если ей снова будут задавать вопросы.

Самое время сейчас благоразумно сбежать, пока он отвлекся, Дебора знала, что лучше от него не отмахиваться.

Она обратилась к леди Кинсейл:

– Какой кошмар, кухня Маргарет. Вы, должно быть, совсем выбиты из колеи и нуждаетесь в отдыхе. Я не имею права вас так затруднять. Думаю, мне лучше свернуть мой визит. Я уеду сегодня же утром, как только все будет устроено.

– О, но в этом нет никакой надобности, кухня Дебора.

Но лорд Кинсейл прервал их разговор:

– Полагаю, ты не рассчитываешь, что я стану оплачивать твои расходы на почтовую карету?

– Я уеду вечерним дилижансом, – холодно ответила Дебора. – Ты можешь проявить широту души и распорядиться, чтобы меня отвезли к почтовой станции.

– Кузина Дебора, в этом действительно нет никакой необходимости. – В голосе леди Кинсейл звенели нотки отчаяния.

– Дорогая, если кузина Дебора так хочет, не будем ее отговаривать. Я прикажу подать двуколку. – Лорд Кинсейл позвонил в колокольчик. – Через час. Надеюсь, ты не станешь заставляя моих лошадей ждать?

– Не стану, и даже попрощаюсь с вами прямо сейчас, чтобы их не задерживать, – ответила Дебора, пытаясь скрыть облегчение.

– Кузина Маргарет. – Она сжала руку ее светлости. – Джейкоб. – Она присела в нижайшем реверансе. – Желаю вам удачи в возвращении похищенного. Благодарю за гостеприимство, но мне нужно поторопиться, чтобы вовремя закончить сборы. До свидания.

– До следующего года, – слабым голосом попрощалась леди Кинсейл.

Дебора было заколебалась, но осторожность вновь перевесила. Она подозревала, что неприятнее, чем принимать в гостях вдову своего кузена, для графа выслушивать отказ от дома этой самой вдовы.

– За год многое может случиться, – загадочно произнесла она и вышла, закрыв за собой дверь и страстно надеясь, что это уж точно в последний раз.

Глава 2

Лондон, три недели спустя

Эллиот подавил зевок и вытащил из жилетного кармана часы. Пять минут третьего ночи, а его приятель Каннингем и не думает уходить. В игорном салоне Брукса царил напряженная тишина, которую изредка нарушали лишь звон монет, шумные глотки спиртного, щелканье карт да негромкий гул, когда кто-то поднимал ставки. Игроки затаив дыхание следили, как стопки векселей и гиней меняют своих владельцев, и старались не выдать своих эмоций.

Одни не снимали шляп, чтобы скрыть лица, другие закатывали кружевные манжеты поверх кожаных нарукавников. Эллиота, привыкшего играть своей жизнью на куда более высокие ставки, это немало забавляло. Он уже сделал несколько ставок в «фараон», больше для вида, чем ради выигрыша, но последние полтора часа провел в качестве зрителя.

Беспокойно вышагивая по длинной комнате с витиевато выгнутым потолком, с которого свисала тяжелая многоярусная люстра, он вспоминал множество похожих залов, виденных им в Европе. Его привлекала не сама карточная игра, военные коротали за картами долгие часы между битвами. Гражданские не понимали этой скуки, как не понимали присущей войне остроты ощущений. Эллиот же недоумевал, почему Каннингем решил, что его может развлечь подобное занятие. Он совершенно равнодушен к азартным играм и пирушкам. Поднявшись из-за стола, Каннингем, без сомнения, устремится к третьему виду джентльменского развлечения – к шлюхам. И это тоже несколько не интересовало Эллиота. В данный момент, по необходимости, он был джентльменом, но всегда в первую очередь жил своим умом, даже когда носил военную форму. Сегодня с него достаточно.

– Думаю, я немного перебрал с развлечениями, мой дорогой Каннингем, – произнес он, слегка похлопав того по плечу. – Удачи тебе в игре. И с леди.

– Удача тут не поможет. Тебе-то лучше всех это известно. Я еще не встречал более удачливого человека, когда дело касалось отличного секса.

– Не путай успех с удачей, мой друг, – тонко улыбнулся Эллиот. – И спокойной ночи.

Он забрал шляпу и перчатки и направился к выходу. Вряд ли он будет часто сюда захаживать.

Ночь выдалась сырой и холодной, стоял туман, и в небе виднелся лишь тонкий месяц. Подходит взломщику, хотя думать об этом еще рано.

Бриллиант Кинсейла оказалось довольно трудно продать. Скупщик отказался брать такой приметный камень, и Эллиоту пришлось совершить незапланированную поездку в Нижние земли. Там он с неохотой отдал камень на раскол и огранку, после чего наконец продал. За три бриллианта получил

значительно меньше, чем лорд Кинсейл, по слухам, заплатил за исходный камень. И как ему сообщил нанятый сыщик, Кинсейл сильно переплатил за контрабандный товар. Но, что важнее, это цена, которую Кинсейл платил за свое халатное отношение к британской армии.

Не то чтобы он знал или вообще понимал, какую цену заплатила армия за его небрежность. Люди, подобные ему, видели только списки требующихся лошадей, мулов, хирургов. Но были и другие списки, с требованиями полевого оружия, орудий, винтовок, которые соперничали за его внимание и куда чаще побеждали. Правда, какой толк от новых гаубиц, если нет лошадей, чтобы тянуть их к полю битвы? Что толку от мушкетов, штуцеров и штыков, когда воины умирают на поле брани, потому что их не на чем доставить в полевой госпиталь? И нет хирурга, чтобы обработать раны. Что Кинсейл и ему подобные знают о боли и страданиях, которые приносят их сэкономленные пенни? Какое невежество заставляло их выбирать сначала оружие и только потом сапоги, бинты и воду?

Эллиот выругался, с силой разжимая кулаки. Прошло шесть лет, а у него перед глазами стояло застывшее от боли лицо Генри. Даже если бы каким-то чудом ему удалось показать эту картину Кинсейлу, тот увидел бы лишь мгновение боли. Нет, намного лучше бить этих людей по больному, забирая у них то, что они хранят и ценят, то, что для них действительно важно. Эти бриллианты, пусть и распиленные, смогут оказать заметную помощь. Скупой убудок Кинсейл так и не узнает, что его камень – своего рода компенсация за его военные преступления.

Как всегда после успешной миссии, как он называл обычно свои вылазки в чужие дома, он просматривал все газеты в поисках сообщений о краже, но лорд Кинсейл, что неудивительно, не стал обнародовать свою потерю. И уже в сотый раз с той ночи Эллиот подумал, что леди Кинсейл могла рассказать об их столкновении. И в тысячный раз приходило воспоминание, как он лежит на ней сверху. Ощущает прикосновение ее губ. Слышит нежные, хрипловатые нотки в ее голосе. Видит ее лицо, удивленный, высокомерный взгляд, округлившиеся глаза, взирающие на него без малейшего страха.

Он не должен был ее целовать. Вспоминая свое преступление, он сначала думал, что она поцеловала его в ответ, но в итоге пришел к выводу, что выдает желаемое за действительное. Просто она была слишком поражена, чтобы сопротивляться. В конце концов, она ведь считала его вором. Интересно, почему

же тогда не оскорбилась?

Яркое газовое освещение аллеи Пэлл-Мэлл сменилось тусклыми фонарями Ковент-Гарден. Как всегда в Лондоне в начале года, здесь было совсем безлюдно, но уличным мошенникам хватало клиентов, чтобы заработать себе на жизнь. Послышался шум потасовки, громкий крик и затем хриплый хохот, какого-то мужчину бесцеремонно вытолкнули прямо на ступени борделя. Качая головой, Эллиот сунул шиллинг рябой проститутке, что вопросительно на него смотрела, и, не обращая внимания на ее удивленное «спасибо», заторопился через рыночную площадь.

Его приводил в бешенство яркий контраст между домами джентльменов, частенько захаживавших в привилегированные клубы Сент-Джеймса, и лачугами, где ютились лондонские шлюхи, к которым после игры устремлялись те же самые джентльмены. За пределами Англии он видел и более бедных и больных людей, но здесь его дом, его страна, которой он служил почти шестнадцать лет. Так быть не должно. Неужели именно они победили в более чем двадцатилетней войне?

В дальнем углу площади он наблюдал одну из сцен, которые до сих пор вызывали у него душевную боль.

На пороге дома, завернувшись в солдатское одеяло, спал мужчина. Пустые штанины его брюк красноречиво хлопали на ветру, свисая с низенькой деревянной тележки, на которой тот расположился. К шрамам на загрубелых руках – наследию пороха и оружия – наверняка уже добавились кровавые мозоли из-за необходимости передвигаться на своей инвалидной тачке. От него несло мерзким духом улицы вперемешку с джином, но для Эллиота эта вонь была вонью предательства.

– Если Господь существует, он приглядывает за тобой, мой друг, – прошептал он.

Осторожно, чтобы не нарушать алкогольное забытие инвалида, он сунул в карман ветерана золотую монету и карточку с адресом и сообщением. Многие воспринимали благотворительность как страшное оскорбление, но с некоторыми... в общем, стоило попытаться. Эллиот никогда не оставлял таких попыток.

Чувствуя усталость, он направил свои стопы в Блумсбери, где снимал дом. «Задворки общества, полные городских белоручек» – так назвал это место Каннингем. Он не понимал, почему Эллиот не желает поселиться в Мэйфере или хотя бы арендовать комнаты на Абемарль-стрит. А ему просто претило общаться со светским обществом, так же как заводить семью, хотя о последнем ему не раз напоминала его сестра Элизабет. «Напоминала настойчиво и регулярно», – с улыбкой подумал Эллиот, проходя по Друри-Лейн.

Они с Элизабет удивительно похожи, несмотря на разницу почти в двенадцать лет. Когда он ушел в армию, она была еще совсем ребенком. Пока она росла, он знал ее в основном по письмам. Когда начал сдавать отец, а война удерживала его за границей, Лиззи взяла на себя львиную долю обязанностей по управлению поместьем и ухаживала за быстро угасающим родителем. Хорошо зная, как много значит для него карьера, она умалчивала об истинном состоянии дел, пока отец не оказался при смерти. Эллиота тронула ее преданность, хотя он и чувствовал себя виноватым, вернувшись домой, несмотря на то что Лиззи никогда его не винула.

– Я просто исполняла свои обязанности, как и ты свои. Теперь ты дома и поместье принадлежит тебе. Папа предусмотрительно оставил мне неплохое содержание, и я намерена наслаждаться жизнью, – сказала она ему тогда.

И именно так и поступила. Неприлично быстро, всего через три месяца, вышла замуж за угрюмого шотландца Александра Мюррея. Как она сообщила изумленному брату, они давно питали друг к другу нежные чувства, но Алекс соглашался подождать со свадьбой из-за болезни отца, а теперь она не видит причин ждать, поскольку папе ее помощь уже не понадобится. Лиззи выбралась из траурных платьев, как бабочка из куколки, и превратилась в элегантную даму с острым умом и отточенным язычком. Ее званые ужины быстро завоевали огромную популярность, а муж в ней просто души не чаял. Супружество, как регулярно она сообщала своему брату, это наисчастливейшее время жизни. Он тоже должен его испытать.

На площади Рассел-сквер было тихо и пустынно. Эллиот запер входную дверь и устало поднялся к себе в спальню. Стянул шейный платок, разделся и по установившейся военной привычке аккуратно сложил одежду. Потом зевнул и блаженно растянулся на прохладных простынях. Еще одна привычка военных дней – всегда оставлять в комнате горячую грелку или зажженный камин.

Он не имел ни малейшего желания связывать себя узами брака. Не то чтобы сторонился женщин. Напротив, они ему очень нравились, а он очень нравился им. Но не слишком много и не слишком долго. В придворной Европе верность стране ставилась на первое место. Оправданный военной неопределенностью дух интриг и приключений отодвигал супружескую верность на второе место, отдавая предпочтение разнообразию.

«Живи моментом», – говаривала одна из его любовниц, итальянская графиня. Чувственная Елена вела в постели назидательные разговоры и обожала заниматься любовью в публичных местах, таким образом привнося соблазнительную нотку опасности в их отношения. В тот раз это случилось в карете, когда они возвращались со званого вечера у посла. Эллиот в темноте тихо засмеялся. Много позже, уже в другой стране, в другой карете и с другой женщиной, куда менее склонной к представлениям при дворе, он осознал, насколько искусны были маневры Елены. К примеру, гениальная мысль воспользоваться ремнями в салоне кареты. Он явно был у нее не первым и, без сомнения, не последним.

Интересно, что она сейчас поделывает? И Сесиль. И Кармела. И Гризела. И Джулианна. И – как же ее звали? – ах да, Николетта. Он никогда не забудет Николетту.

Не считая того, что он едва мог вспомнить, как она выглядела. И она, и все другие словно слились в одну неясную женскую фигуру. Он скучал по всем одновременно, но никогда по отдельности. Вот по чему он действительно соскучился, так это по войне, по духу товарищества. Не по сражениям, где за острые ощущения платишь кровью. И не по безжалостной реальности – долгим походам, бесконечному ожиданию провианта, который все не приходит, и его солдатам, стоически переносящим голод, в заношенной форме и обуви, где заплат больше, чем самой обуви. Не по убийствам и бесконечным страданиям.

Эллиот невольно стиснул кулаки, вспоминая старого солдата на Ковент-Гарден. Один из тысяч. Нет, с него более чем достаточно.

В действительности он скучал по другой, тайной стороне своей военной карьеры, по своей роли шпиона в тылу врага. Волнительное предвкушение неизвестности, борьба умов с врагом, который даже не знает о его существовании, и понимание того, что если его раскроют, сразу убьют. В этой круговерти жить одним днем – единственный способ выживания. Яркое

пульсирующее напряжение, когда используешь шанс за шансом, и головокружительный восторг при осуществлении своей миссии любой ценой. А плотские удовольствия преходящи. По ним он тоже скучал. У него не было любовниц с тех пор, как он вернулся домой. Брать шлюху не хотелось, а брать чужую жену в Англии как-то неправильно.

Тем не менее воздержание не особенно его беспокоило. Он еще не сталкивался с женщиной, которая пробудила бы в нем хоть какой-нибудь интерес. До столкновения с леди Кинсейл.

Эллиот вздохнул. Перед глазами снова возникло ее лицо. Ее помнил не только разум, но и тело. Мужественность между ног шевельнулась. Черт возьми, теперь он вообще не уснет! Какая у нее улыбка! А губы! Его член отвердел. Интересно, каково было бы почувствовать на себе ее губы? Посасывающий язык, пробующий его на вкус? Он закрыл глаза, обхватил пальцами пульсирующий ствол и отдался своему воображению.

* * *

Дебора стояла на ступеньках неприметного бюро «Фрейворт и сыновья» на Пэлл-Мэлл и колебалась. Было раннее – немногим более десяти – мартовское пригожее утро, ей не терпелось дать отдых ногам и обдумать тревожные новости мистера Фрейворта. Да, сочинительство в последнее время становилось для нее больше рутинной, чем удовольствием, но она этого не признавала, пока он не указал, что апатия влияет на ее творчество. «Избито и скучно» – так охарактеризовал издатель ее последнюю книгу. Дебора нахмурилась, не в силах отрицать очевидное. Возможно, ее воображение просто достигло своих пределов?

Обычно ее путь лежал через Сент-Джеймс-парк, но можно было пойти и короткой дорогой, налево через Грин-парк, а там полюбоваться нарциссами. Не совсем та свежесть, которую требовал мистер Фрейворт, но вдруг они подстегнут вдохновение. Или прогуляться по Холму Конституции, затем заглянуть в Гайд-парк и посмотреть на конных гвардейцев.

Даже в конце жизни, когда денег было раз-два и обчелся, Джереми изыскивал средства, чтобы сохранить конюшню. Верховые прогулки всегда были для нее отдушиной, хотя, как и многое другое, оставались лишь эрзацем.

Дебора гуляла одна, без горничной, что во времена замужества расценили бы чудовищным преступлением, теперь же она считала, что вдовство, стесненное финансовое положение и отсутствие личной горничной позволяют ей определенную свободу. И она ее очень лелеяла. Скорее это дух независимости, невидимая, но остро необходимая стена, которую она выстроила вокруг себя, когда отказывала мужчинам, пытавшимся с ней сблизиться. На самом деле она не настолько лишена шарма и близка к старости, как ей представлялось, тем не менее на этот счет пребывала в блаженном неведении.

При виде раскинувшихся лугов Грин-парка она почти забыла, что находится в мегаполисе. От сегодняшней встречи с издателем ее мысли, в который раз, плавно перетекли к той ночи. Основательно прошерстив «Таймс» и «Морнинг пост» в библиотеке Хукема на Бонд-стрит, она не нашла ни одной статьи о краже в Кинсейл-Мэнор. Джейкоб сдержал слово.

Ее жилище в Ханс-Тауне уже навестил немногословный сыщик с бегающими глазками. Она совершенно не представляла, что именно украдено. Явно что-то очень маленькое, определенно не бумаги, но, очевидно, очень ценное. Что? И почему Джейкоб так упорно хранит молчание? Почему в таком случае взломщику удалось обнаружить этот предмет в сейфе, если даже жена Джейкоба понятия не имела о его существовании?

Взломщик, который поцеловал ее.

Дебора остановилась, чтобы полюбоваться кустом первоцветов, но вместо ярких желтых цветов перед глазами возникло его лицо с неистовым взглядом. Сколько бы она ни пыталась, не смогла его забыть. Да и не желала, честно говоря. Он появился в таинственной ночной тьме, а у нее едва хватило духа ему отказать. Еще никогда в жизни, даже в самом начале брака с Джереми, будучи наивной влюбленной девочкой, она не испытывала такого болезненно-сильного притяжения. К кому и по какой причине? Где он теперь? Ответа не было, хотя она постоянно вопрошала себя. Та встреча распалила воображение.

Покинув Грин-парк, она стала пробираться сквозь толпу Пикадилли к Гайд-парку, намереваясь пройти по Роттер-Роу к Королевским воротам. Кареты, лошади, бродячие собаки, уличные мальчишки, дворники и торговцы – все они даже в лучшие времена делали переход площади потенциально опасным, но Дебора лавировала между ними, полностью поглощенная совсем иными

мыслями.

Кучеру телеги с пивной бочкой пришлось вильнуть в сторону, чтобы ее не задавить. Она едва услышала его ругань.

На другой стороне дороги из Эпсли-Хаус появился Эллиот, он заходил с ходатайством к Велсли (Эллиот никогда не думал о нем как о Веллингтоне). И замер на месте. Это она! Он не сомневался, хотя и не понимал почему, ведь никогда не видел ее при дневном свете.

Но это определенно леди Кинсейл шла прямо навстречу, во всяком случае, к парковым воротам. Одета просто, даже слишком просто. Его наметанному глазу она показалась чересчур старомодной для графини. Серо-коричневое уличное платье, поверх длинная коричневая накидка без модной сейчас отделки в виде рюшечек, кисточек и кружев. Насколько он мог заметить, убранные под шляпку волосы были светлыми. Высокая, стройная, изящная женщина, такая, как ему запомнилась. При ярком свете она выглядела еще прелестнее, хотя выражение лица оставалось по-прежнему напряженным, ироничным и немного задумчивым. Не красавица – слишком необычна – но что-то в ней определенно было, некая вызывающая независимость, которая его явно притягивала.

Ему надо бы развернуться и пойти в другую сторону. Это безумие – рисковать быть узнанным. Но поздно: она заметила его, узнала и вздрогнула.

Эллиот, всегда предпочитавший обходить неприятности, не бегая от них, в несколько шагов покрыл разделявшее их расстояние.

– Леди Кинсейл. – Он отвесил поклон.

– Это вы! – воскликнула Дебора. Она чувствовала, что краснеет, и жалела, что поля старомодной шляпки слишком короткие и не скрывают ее лица. – Вы тот взломщик. Хотя, замечу, при свете дня вы еще меньше похожи на злодея, в сравнении с тем, когда вы... когда я...

– Когда вы были так любезны прервать мое падение, – закончил за нее Эллиот. – И поверьте, я вам за это очень благодарен.

Дебора вспыхнула:

- Насколько я помню, вы и тогда меня поблагодарили.

- Не так полно, как мне бы хотелось.

- Я не сказала, - вырвалось у нее от растерянности.

- Что я вас поцеловал?

- Нет. В смысле я не сообщила о том, что вас видела. Хотя должна была. Я знаю, что должна была. Но я этого не сделала.

- Да будь я проклят! - Эллиот изумленно уставился на нее.

У нее были очень темные глаза, темно-карие, почти черные, с зеленовато-золотым ободком. Странная комбинация, учитывая светлые волосы. Она облизнула нижнюю губку розовым язычком.

Эллиот отвел взгляд. Они стояли прямо на пути у людского потока и рисковали привлечь к себе внимание. Он взял ее за руку и повел через ворота в парк.

- Давайте где-нибудь уединимся, подальше от толпы.

Дебора чувствовала покалывание в том месте, где его пальцы сжимали ей руку. Очень странное чувство. Но приятное. Настолько приятное, что она без протестов позволила увести себя к отдаленным аллеям.

Он оказался выше, чем ей помнилось. И в дневном свете казался смуглым, как человек, который много времени проводит на солнце. Морщинки вокруг глаз, придававшие ему свирепость, казалось, тоже появились из-за необходимости щуриться на ярком солнце. Подняв глаза, она заметила пересекающий левую бровь шрам. И тонкий рубец на лбу, чуть ниже линии волос. Солдат? Конечно. Это объясняет и его выправку, и осанку, и быстрый широкий шаг, за ним ей не угнаться, несмотря на свои длинные ноги.

Он был отлично одет: синий дорогой двубортный сюртук с медными пуговицами и тщательно повязанный белоснежный шейный платок, подчеркивающий решительный подбородок. Коричневые брюки, черные ботинки, брелок на цепочке, бобровая шляпа, правда, с недостаточно высокой тульей, не слишком модная. Словом, туалет прост, но элегантен. Подобно ей, он сторонился показной роскоши, хотя, в отличие от нее, причиной тому явно не нехватка денег. Кража со взломом наверняка прибыльное занятие.

Нет, она не могла поверить, что он крадет, чтобы хорошо одеваться. По какой бы причине он ни совершал кражи, это точно не жадность. Она с юмором подумала, что, оказывается, знаменитый Павлин вовсе не павлин в одежде. Видимо, он выбрал павлинье перо своим отличительным знаком просто из самоиронии.

- Чему вы так улыбаетесь? - Эллиот подвел ее к скамье, стоящей на солнце.

- Так, одна мысль пришла в голову.

- Мы можем побыть здесь какое-то время, - сказал он, вытирая платком деревянное сиденье. - Пока солнце светит, мы не замерзнем.

Дебора покорно села. Ей слишком многое хотелось у него спросить, но ее переполняли эмоции. Она видела его во плоти, его настоящего, куда подробнее, чем сохранила ее память, и не могла связно мыслить.

- Вы действительно тот самый Павлин?

Одно ее слово соответствующему человеку - и болтаться ему на веревке в Тайнберне. Хотя, по ее собственному признанию, она никому ничего не говорила.

- Да, - ответил Эллиот. - Я действительно тот самый Павлин.

- Я не поверила своим глазам, когда Джейкоб показал перо.

Скамья была очень небольшой. Эллиот повернулся к ней, и его колени коснулись ее ноги. Его тело словно пронзила молния. Он вспомнил, как почувствовал ее под собой, и понадеялся, что на его лице ничего не отразилось. Пришлось напомнить себе, что она замужем. За-му-жем! В Англии это имело большое

значение.

– Почему? – резко спросил он. – Почему вы ничего не сказали своему мужу?

– Вы уже упоминали о нем во время нашего разговора – если это можно назвать разговором. – Дебора нахмурилась. – Вы сказали, что я должна винить его. В чем? Какое отношение имеет Джереми к вашему проникновению в Кинсейл-Мэнор?

Джереми! В прошлый раз у него вылетело из головы, но сейчас он вспомнил, что она и тогда так называла Кинсейла.

– Вы, конечно, хотели сказать Джейкоб? – Элли от тоже нахмурился. – Джейкоб, граф Кинсейл. Ваш муж.

Она удивленно распахнула глаза и звонко захохотала, излучая веселье, как искрящийся пузырьками бокал шампанского. Потом резко замолчала, словно ей стало неудобно.

– Я не последняя леди Кинсейл. Джейкоб – кузен моего мужа, пятый граф Кинсейл. Мой муж Джереми был четвертым.

– Был? Значит, вы вдова?

Она вдова!

– Уже около двух лет, – ответила она.

– Не могу выразить, как я рад это слышать. – Эти слова вырвались у него прежде, чем он успел подумать.

– Очень сомневаюсь, что ваша радость может сравниться с моей по этому поводу.

– Надеюсь, вы не обидитесь, если я скажу, что ваши слова говорят куда больше моих.

Дебора покраснела:

- Да, я знаю.

- Как я понимаю, ваш брак был не по любви?

- Нет. Да. Я думала, что по любви. Мне было всего восемнадцать, когда мы познакомились, и мою голову наполняла романтическая чепуха, невообразимо глупая и наивная. А Джереми был... вернее, казался... просто сногшибательным, выражаясь моим языком того времени, - криво улыбнулась Дебора. - Когда он сделал мне предложение, я думала, что сбылись все мои мечты. Дядя - мой опекун, поскольку мои родители умерли, когда я была совсем маленькой, - был только рад умыть руки, и мы поженились спустя три месяца после знакомства. Мне казалось, я безумно в него влюблена, но все оказалось сплошным обманом. Джереми интересовали только мои деньги. Глупая история, правда? Не знаю, зачем я вам все это рассказываю, но вы сами спросили.

- Мне кажется, не глупая, а печальная. Вы были очень несчастливы в браке?

Дебора пожала плечами:

- Я была очень наивной и целеустремленно хотела найти мужа. В результате пострадала не только я. Мне не стоило выходить за него. Знаете, это все довольно скучно. Не возражаете, если мы сменим тему?

Судя по всему, ее муж был редкостным ублюдком. Эллиот не понимал, почему она так упорно возлагает вину на себя, но чем больше спрашивал, тем сильнее она закрывалась от него. Он видел это по ее взгляду и сомневался, стоит ли продолжать эту тему.

- Прошу прощения, - сказал он. - Я не хотел вас расстроить.

- Вы и не расстроили. - Дебора вскинула голову и шмыгнула носом.

Ему захотелось поцеловать ее за этот непокорный взгляд.

– Вы совсем не похожи на вдову, – легкомысленно заговорил Эллиот. – У вас нет седины, вы не прикладываете к глазам черный кружевной платочек, не пользуетесь нюхательной солью, и я не вижу никаких следов маленькой ручной собачки, если, конечно, вы не считаете, что ей вредны прогулки по холодной погоде, и не оставили ее дома. Вдовствующая графиня Кинсейл. – Он покачал головой. – Нет, только не вы.

В награду за эти слова его одарили слабой улыбкой.

– Я не люблю пользоваться титулом. Меня зовут Дебора Нэпьер. И если я не похожа на вдову, то вы еще меньше похожи на взломщика.

– Дебора. Вот это мне подходит. Я Эллиот Марчмонт, известный под прозвищем Павлин, но только немногим избранным.

– Могу я спросить, что именно вы украли? Джейкоб по какой-то причине не захотел об этом рассказывать.

– По очень серьезной причине, – сухо сказал Эллиот. – Полагаю, вреда не будет, если я вам скажу, моя судьба и так в ваших руках. Это бриллиант. Большой голубой бриллиант, предположительно из драгоценных камней французской короны. Кинсейл добыл его окольными и нетрадиционными путями.

– Вы имеете в виду, что он приобрел его незаконно? Джейкоб? – пискнула Дебора.

– Почему вы так удивлены?

– Потому что он скаредный, лицемерный ханжа, которому доставляет несравнимое удовольствие осуждать за попрание нравов и устоев других, во всяком случае... – Она осеклась, осознав, что забыла свое золотое правило «никогда не выдавать своих чувств». Этот мужчина выбил ее из колеи. – Как вы узнали о камне?

– У меня свои источники.

– Бог мой. Вы имеете в виду тех, кого называют скупщиками? Которые живут в трущобах? – спросила Дебора, с удовольствием воспользовавшись жаргоном, которым раньше только писала.

– Должен сказать, для столь высокопоставленной аристократки вы проявляете прямо-таки нездоровый интерес к неприглядным сторонам жизни низших слоев общества.

– Я предпочитаю приписывать этот интерес своему живому воображению. Так о вас говорят правду? В Англии действительно нет сейфа, который вы не смогли бы взломать?

– Я еще с таким не сталкивался, – ответил Эллиот, озадаченный ее реакцией. Казалось, она скорее очарована, чем недовольна, сидя среди бела дня в Гайд-парке на одной скамейке со знаменитым Павлином. Она просто обязана была позвать полицию. Но, вместо этого, не выглядела смертельно напуганной, напротив, казалась заинтригованной и даже восхищенной. Где-то в глубине души он чувствовал, что в лице Деборы Нэпьер, вдовствующей графини Кинсейл, он встретил бунтарскую личность, подобную себе.

– Мне хочется услышать об этом все, – сказала она, словно вторя его мыслям. – Почему вы этим занимаетесь? И каково это – противостоять своим блестящим умом всему остальному миру? Вы не боитесь, что вас поймут?

Она не спросила, что он сделал с бриллиантом. Любая женщина на ее месте в первую очередь спросила бы об этом. Но Дебору явно интересовал не исход, а процесс. Как и его самого, во всяком случае частично.

– Такой шанс есть всегда, – ответил Эллиот, замороженный ее вспыхнувшим взором. – Но без риска это того не стоило бы. Для меня привычно, когда от волнения замирает сердце, и ты понимаешь, что любой неосторожный шаг может стать последним. Ни на что не похожее чувство. Во всяком случае, после...

– Армии?

– Как вы узнали?

– По вашей походке. И по шрамам на лице. – Дебора коснулась его лба и словно испытала какой-то разряд. Быстро отдернула руку. – Еще в первую нашу встречу я подумала, что вы человек, привыкший отдавать приказы. Вы долго служили?

– Шестнадцать лет. Мы сбежали, когда нам было пятнадцать, мне и моему школьному другу Генри. Он, как и вы, остался без родителей, только его отец не позаботился о его судьбе. В одну неделю он потерял и семью, и место в школе. А должен был выучиться на адвоката. – Эллиот засмеялся. – Генри – и адвокат. Совершенно невозможное сочетание. Он решил завербоваться в армию, и я сбежал вместе с ним, школа мне уже осточертела, а возвращаться в родовое имение и забирать у отца бразды правления мне казалось настоящим адом. Мы сбежали и завербовались, прибавив себе возраста.

– А ваши родители?

– Моей матери уже не было в живых. Отцу мой поступок не понравился, но мы не рассорились. Я убедил его, что немного дисциплины и независимости мне не повредит. Он купил мне первый офицерский чин. А когда вскоре началась война с Наполеоном, я уже знал, что имею большие способности к военной службе. Армия стала моей семьей. Да, с моей стороны эгоистично, но к тому времени я настолько прикипел к своим солдатам, что, откровенно говоря, не мог их оставить, пока война не будет выиграна. К чести моего отца, он меня очень в этом поддерживал. Я ушел со службы в чине майора после Ватерлоо и жалею только о том, что отец умер всего через полгода после моего возвращения.

– После стольких лет службы вам, наверное, очень трудно приспособиться к гражданской жизни.

– Верно. Очень трудно. – Эллиота удивило ее понимание. – Люди обычно этого не замечают.

– Они никогда ничего не замечают. Когда я вышла замуж, мне было девятнадцать. И после смерти Джереми я осознала, что не представляю, кто я такая.

С тех пор прошло два года, и я до сих пор не уверена.

– Я вернулся домой, чтобы расчехлить мои родовые именья и жить тихой деревенской жизнью, от которой когда-то сбежал. С тех пор прошло немногим больше двух лет, а я до сих пор толком не понимаю, кто я такой. Уже не военный, но чертовски уверен, что умер бы со скуки, если б стал простым деревенским сквайром.

– И чтобы этого не случилось, вы занялись кражами? Так? – изумленно спросила Дебора.

– Частично да.

– Хотела бы и я придумать что-то столь же волнительное, но мне недостает умений. Как вы научились? Открывать замки учат в армии?

Эллиот засмеялся.

– Нет, но британская армия почти целиком состоит из добровольцев. Вы бы очень удивились, если бы узнали, скольким вещам можно научиться у солдат.

– И завести хорошие связи? – хихикнула Дебора. – Не припомню, чтобы газеты писали, что войну с Наполеоном выиграли скупщики, карманники и им подобные.

– Войну выиграли бедолаги из разных слоев общества, которые завербовались в армию, ошибочно считая, что смогут улучшить жизнь себе и своей семье, – мрачно ответил Эллиот. – И теперь они просят милостыню на улицах. Ибо для них улица стала родным домом.

– Прошу прощения. – Дебору озадачила такая перемена в его настроении. – Я не хотела принижать их судьбы. Наверное, вы потеряли на войне хороших друзей.

– Да. – Эллиот глубоко вздохнул, удивляясь своему желанию ей довериться. – Извините.

– Вам не за что извиняться. Я должна была догадаться. Такие шрамы время не залечивает, не так ли? Проходит год, два, и люди считают, что вы должны обо всем забыть.

– Я никогда не забуду.

– И я тоже, – тихо сказала Дебора.

Она узнавала этот тон. И его мрачный взгляд, в котором читала страдание и вину. «Что же стало тому причиной?» – подумала она. Для одних ужасов войны его раны слишком глубоки. Хотелось его расспросить, но она не стала. Что-то в нем – сдержанность и закрытый отстраненный взгляд – предупреждало не заходить слишком далеко. Кроме того, вопросы по рождали новые вопросы. Она не хотела рассказывать, отчего так хорошо его понимает.

– А чем вы занимаете свое время? – спросил Эллиот. – Не похоже, чтобы вы наслаждались вдовством.

– Я до сих пор не привыкла. – Дебора пожала плечами. – Не думала, что будет так... хотя, конечно, ничего не планировала, ведь Джереми было всего тридцать шесть. Я имею в виду, я не убивала его или что-то в этом роде.

– Но думали об этом?

– Ну, разве что очень опосредованно, когда я... – Она чуть не сказала «когда я писала свою первую книгу».

Дебора ошеломленно уставилась на Эллиота. Он с трудом сдерживался, чтобы не засмеяться. Уголки рта подрагивали от рвущегося наружу хохота.

– Это не смешно. Вы заставили меня сказать отвратительную вещь. – Она постаралась скрыть дрожь в голосе.

– Я не заставлял вас ничего говорить.

– Я хочу, чтобы вы взяли меня с собой, – вдруг сказала Дебора.

– Простите?

– Всего только раз. Мне очень хочется сопровождать вас – Павлина. Это было бы так... о, я не знаю... так изумительно.

А про себя добавила: «И очень вдохновляюще». Эллиот рассмеялся:

- Изумительно! Мои вылазки называли по-раз ному, но я еще не слышал, чтобы кто-то называл их изумительными. Вы самая необычная женщина, какую я когда-либо встречал.

- Правда? Для меня это огромный комплимент. Вы встречались со многими женщинами?

- Со многими. И они тоже задавали мне много вопросов, - лукаво сообщил Эллиот. - Но ни одна не проявляла интереса к кражам со взломом.

- Ну а я очень ими интересуюсь. - Деборе не хотелось думать о том, со сколькими опытными и чувственными женщинами он встречался. - Так вы подумаете над моей просьбой?

- Подумаю над... Господи боже, но вы ведь не серьезно?

Она сама не могла в это поверить, но, похоже, была серьезна. На одну ночь она бы вышла из своего темного уголка и распугала собственных призраков. Повела бы себя столь же дерзко, как и ее литературное альтер эго. Она могла бы действительно стать Беллой. Как раз то, что нужно, чтобы вывести из застоя ее литературное творчество.

Глаза Деборы радостно вспыхнули.

- Вы даже не представляете, насколько серьезно, - сказала она.

Похоже, ее энтузиазм показался Эллиоту забавным. Он засмеялся хрипловатым глубоким смехом. Дебора осознала, что зачарованно смотрит ему в рот. Ощутила, как его колено прижимается к ее бедру. От этого прикосновения по ее телу побежали горячие токи.

- Так вы возьмете меня с собой? - снова спросила она, наполовину в шутку, наполовину надеясь на невероятное.

Эллиот не мог отвести взгляда от ее губ. От нее пахло весной, цветами и еще чем-то неуловимым. Он наклонился ближе и увидел вокруг глаз тоненькие лучики морщинок. Он думал, ей двадцать три—двадцать четыре, но она, должно быть, старше. И тени, что прячутся в глубине взгляда, – это печальный опыт. Она вдова. Он не может целовать ее здесь, в парке. Но она не замужем. Больше нет. Он хотел поцеловать ее. И не только. Он желал много большего.

– Эллиот, так вы возьмете меня?

Господи, она же серьезна! Он откинулся на спинку скамейки, поморгал, стянул с головы шляпу, посмотрел на нее, снова надел и, наконец, произнес:

– Не будьте смешны.

– Это не смешно.

Целиком захваченная этой возмутительной идеей, она не замечала, как дики и безрассудны ее слова. Это как раз то, что нужно. Встряска, которая выдернула бы ее из меланхолии. И личный опыт. Подлинные переживания помогут ей вывести Беллу Донну на новый виток жизни.

– Эллиот, пожалуйста.

Она взяла его за рукав. Ее перчатки были сильно поношены. А его собственные новыми. Он терпеть не мог перчатки. Ему хотелось ощутить ее кожу.

– Нет, – сказал он и стряхнул ее руку. – Я не могу. Это невозможно.

– Но почему? Вы боитесь, что я все испорчу? Обещаю, буду в точности исполнять ваши указания.

Он представил это на несколько безумных секунд, они вдвоем в одной упряжке. Ее присутствие придало бы аванюре особую пикантность. Да о чем он, черт побери, думает?

– Это безумие! – воскликнул Эллиот, вскакивая на ноги. – Вы не понимаете, о чем просите. Рисковать виселицей.

– До этого пока не дошло. И не дойдет, вы слишком умны. – Она сама не понимала, почему так упорствует. – Прошу вас. Моя жизнь так... вы даже не представляете. Мне трудно это объяснить... но я хочу почувствовать себя живой!

Эллиот хорошо понимал, о чем она говорит. И все равно безумие! Он не собирался соглашаться, но не мог не выразить своего понимания и сочувствия.

– Дебора, это невозможно, – мягко повторил он.

– Возможно. – Отчаяние придало ей безжалостности. – В следующий раз я хочу пойти с вами. И непременно пойду. А если вы не согласитесь, я сообщу о вас полиции.

Такого он не ожидал. И, бог мой, не мог не восхититься ее дерзостью. Не иначе, она безумно этого хотела. Интересно почему? Любопытство сгубило кошку. Эллиот отважно попытался задавить свое собственное в зародыше.

– Это было бы очень неумно с вашей стороны. Вы ведь уже промолчали и сами окажетесь под ударом. Иначе говоря, стали моей соучастницей.

– О! – Уязвленный взгляд Деборы выглядел довольно комично. В отличие от того, что последовало дальше. Она решительно сжала губы и выпрямила спину. – Я готова рискнуть.

– Вы слишком много на себя берете.

– Думаете? Вы меня просто мало знаете.

Ее внутренний свет внезапно погас, и она словно превратилась в другого человека. Только что лучилась яркими искрами, а в следующую минуту полностью потускнела. Эллиот почувствовал, что за ее безжалостностью кроется отчаяние. Очаровательно противоречивая женщина.

Согласиться было бы чистым безумием. И он думал об этом только потому, что хотел ее. Очень хотел. А она его, хотя и не показывала, так же как не открывала истинных причин своего желания пойти с ним на кражу. А если он ее не возьмет, что тогда? Он не может рассматривать этот вопрос.

Эллиот медленно покачал головой.

– Нет! Пожалуйста, не говорите «нет». Я серьезно, Эллиот. Если вы откажетесь, я на вас донесу.

Он не мог себе представить более оригинальной женщины. В каком-то смысле она так же безжалостна, как и он. Эллиот улыбнулся одной стороной рта и провел пальцем по решительно сжатым губкам. На шее заметно пульсировала жилка. Она не вздрогнула, хотя он почувствовал ее участившееся дыхание. Глупо, но он начинал видеть в ней родственную душу. Человека, стоящего на краю общества. Но даже думать над ее просьбой абсолютное сумасбродство.

– Ваши угрозы меня не убедят, – мягко ответил он. – Если я и возьму вас с собой, то только потому, что я хочу.

По телу Деборы прошла дрожь. Он хотел ее? Хотел ее? Никто никогда не хотел ее в таком смысле.

– И вы хотите... меня взять с собой?

Именно так спросила бы Белла Донна. Кроме того, позволь она себе думать как Дебора, тут же бросилась бы наутек и сожалела об этом до конца своих дней. Ее тошнит, тошнит, тошнит от сожалений.

Быстро оглянувшись, чтобы проверить, нет ли кого поблизости, Эллиот притянул ее к себе, и его глаза вспыхнули темным огнем.

– Вы играете в очень опасную игру, Дебора Нэпьер. Я бы на вашем месте был осторожнее. Ибо если вы танцуете с дьяволом, можете опалить крылышки. Я позволю вам пойти со мной, но только если вы пообещаете, что будете точно следовать моим указаниям.

– Значит, вы согласны!

О боже, он действительно согласился! Она – взломщица. Воровка!

Раньше она не думала об этом в таком ракурсе. Дебора дрогнула. Но если не пойдет, это не предотвратит преступление. А если их жертва похожа на Джейкоба, то наверняка она того заслуживает или легко переживет свою потерю. Это необходимо Белле, а Белла нужна Деборе, и Эллиот ждет ответа. Ей больше не представится такого шанса. Никогда!

– Я обещаю, – ответила она. – Я сделаю все в точности, как вы скажете.

– Тогда докажите это. Поцелуйте меня, – нахально сказал Эллиот, совершенно не думая что она может это сделать.

Но она сделала. Не думая, и чувствуя, как колотится сердце, Дебора поднялась на цыпочки, наклонила к себе его голову и... поцеловала его в Гайд-парке, среди бела дня.

Глава 3

Таким образом Дебора скрепила сделку, но едва их губы соприкоснулись, как, благодаря своим воспоминаниям, реальным и воображаемым, она испытала стремительное ощущение близости. Эллиот привлек ее к себе, положив руки пониже талии. Дебора обняла его, не сняв перчаток, за шею, наслаждаясь ощущением стройного тела, как и в предыдущий раз, когда в темноте ночи он был поверх нее на земле. Как ей и мечталось, его теплые губы принесли греховно-восхитительные ощущения. Они убеждали ее губы раскрыться, нежно и деликатно распалили, пока их языки не соприкоснулись. Дебора задрожала и скорее почувствовала, нежели услышала, как он резко вздохнул. Их поцелуй стал глубже, сильнее. Эллиот полностью завладел ее губами, и Дебора позабыла обо всем. Он так близко притянул ее к себе, что она чувствовала, как врезается в живот его часовой брелок, ощущала запах крахмала от шейного платка. Она никогда не испытывала подобного поцелуя, даже не представляла, не мечтала, что поцелуй – всего лишь поцелуй – может ее так взволновать. Неужели такое возможно? Она даже не пыталась приписать это Белле Донне.

Из-за высокой изгороди донесся стук копыт и разбудил затуманенный желанием разум. Эллиот отпустил ее, Дебора высвободилась из его рук. Они смотрели друг на друга и тяжело дышали. Эллиот дернул шейный платок, словно ему не

хватало воздуха. Дебора подняла руку в перчатке и коснулась своих губ. Они казались припухшими.

Он подобрал с земли шляпу, старательно изображая бесстрастность, которой даже близко не чувствовал. Поцелуи Деборы не шли ни в какое сравнение с его фантазией. Брать ее с собой совершенное безумие и невероятно опасно, но это интригующее создание хочет присоединиться к его второй натуре, и он не сможет ей отказать.

Он хотел ее. Не знал, как с этим быть, хотя и понимал, что должен найти решение. Не то чтобы он поэтому соглашался на это безумие. Нет, он делал это ради нее. Ему хотелось смягчить печаль ее колдовского взгляда. Освободить, пусть временно, от эмоционального запрета, который она, казалось, на себя наложила. Это явилось единственной причиной его согласия. Главной.

- Вы точно уверены, что хотите этого? - спросил он.

Ошеломленная и ошарашенная восхитительными ощущениями, что приносили прикосновения губ к губам, а языка к языку, Дебора изо всех сил пыталась справиться с шоком и погасить разожженную поцелуем страсть и потому не сразу поняла, о чем он спрашивает. Когда же его слова достигли ее сознания, улыбнулась. И не светской, натянутой улыбкой, за которой обычно скрывалась, а настоящей, широкой, искренней. Ее глаза радостно вспыхнули, с лица исчезло высокомерное выражение, отчего она показалась совсем девочкой.

- О да! - ответила она. - Я уверена.

Прошла целая неделя, прежде чем она снова получила от него весточку. За это время в свои права вступило здравомыслие, и Дебора сама удивлялась, что подвигло ее предложить столь безумную авантюру.

Кража с взломом - одна только незаконность сего действия должна удерживать от подобной мысли. Об этом ежедневно неоднократно напоминала совесть, разум предостерегал от возможных последствий, но сердце никого не слушало. С ней или без нее, Павлин все равно совершит преступление. И никто не сможет его поймать. А ее, если даже поймают... печальная и неоспоримая истина в том, что она не видела большого различия между тюрьмой, в которой уже обитала, и

настоящей тюремной камерой. Даже если много раз себе повторяла, что между ними огромная разница.

Будь ее сомнения постоянны, возможно, они бы в конце концов и возобладали, но они исчезали, стоило ей взять в руки перо или вновь вспомнить свое столкновение с Эллиотом. С наступлением сумерек ее охватывало волнение из-за предстоящего острого и опасного предприятия, подобно зазубренному мечу-пиле, который она видела в музее Баллока на Пикадилли, хотя и невозможно соблазнительного. Впервые за долгое время она действительно чего-то хотела по-настоящему.

Безусловно, это безрассудный поступок, логики в нем ни на грош. Ей хотелось острых, продирающих до костей ощущений. Почувствовать, как кровь закипает в жилах. Ощутить себя живой. А кроме того, она задолжала Белле, ее существование помогало Деборе в самые горькие дни жизни, и она просто обязана как можно ярче расцветить подлинными переживаниями следующую историю.

По правде говоря, когда Дебора испугалась последствий пособничества Павлину, именно безжалостная храбрость Беллы поддержала ее в этом решении. И глазами своей героини она всматривалась в тускло освещенную улицу спустя восемь дней после встречи в парке. Она стояла у окна гостиной, сердце трепетало от страха, но не из-за того, что ей предстояло. Она опасалась, вдруг Эллиот не появится.

Он легко мог забрать свое обещание, учитывая, как неохотно его давал. Кроме того, она ничего о нем не знала и, хотя он раскрыл свое имя, не могла провести расследование, за неимением доверенных друзей и слуг. Был ли и он так же сдержан? Раньше ей не приходило в голову, что он мог о ней расспрашивать, хотя он наверняка имел такую возможность. Титул Джереми для нее ничего не значил, но бедность, в которой он ее оставил, позволяла легко раствориться на задворках общества, где ей никогда не позволили бы обитать при его жизни. Однако она, к сожалению, все еще пребывала вдовствующей графиней Кинсейл. И хотя Джереми не стало всего два года назад, скандал из-за его долгов и безвременной кончины похоронить было намного сложнее, чем его самого.

Дебора сжала кулаки, не вынимая рук из карманов пальто. Эллиот не станет ее осуждать. Это невозможно, мрачные подробности ее брака не известны ни одной живой душе. Он придет. Дал слово и не похож на человека, который не

держит обещаний. Быстро окинув взглядом пустую улицу, она вытащила из-за часов записку и при тусклом свечном свете прочла скупой текст.

«Сегодня. Буду у вас в пятнадцать минут первого. Если вы все же передумаете, передайте сообщение с мальчишкой».

Без подписи. И без адреса. Под мальчишкой имелся в виду уличный пацаненок, который накануне принес ей эту записку. Конечно, конечно, конечно, если бы у Эллиота Марчмонта были на ее счет сомнения, разве прислал бы он ей такое послание? Да даже если бы она знала, где он живет, едва ли стала барабанить ему в дверь, требуя сдержать обещание. Это проверка на доверие, и она не опростоволосилась. Он придет! Его совершенно не волнует ее прошлое, почему бы и не прийти? «Кроме того, – с вызовом подумала она, возвращаясь к своему оконному дежурству, – его помощницей и соучастницей будет вовсе не Дебора, вдовствующая графиня Кинсейл, она-то способна на преступление не больше Эллиота Марчмонта. Нет, этой ночью взлом совершат Павлин и Белла Донна». Она улыбнулась в темноту ночи и отринула остатки сомнений. Часы пробили полночь. Колдовской час. Час магии и превращений. Час Беллы. А сомнения Деборы подождут до утра.

Она ждала его на пороге. Еще заворачивая за угол, он заметил ее светлые волосы – разительный контраст с темной одеждой. Эллиот не понимал, радоваться ему или огорчаться. Впрочем, все ложь. Он отлично знал, что чувствует, хотя должен был с точностью до наоборот. Чувствуя, как закипает кровь, он быстро зашагал по улице. Позволить себя уговорить было глупо, безумно, опрометчиво, но он хотел этого. Не из-за любопытства или физического желания, во всяком случае, не только поэтому. Существовала и иная причина, неявная пока. Возможно, желание чего-то неизведанного? Иного? Чего-то большего? Его это не волновало. Сейчас имело значение только одно – она здесь, а ее присутствие всегда добавляет остроты и выразительности.

На ней было что-то вроде пальто. Ее улыбка дрожала. Дебора была без перчаток, и, взяв ее руки в свои, он ощутил, что они совсем ледяные.

– Еще не поздно передумать, – мягко проговорил он, но она покачала головой и снова посмотрела тем самым взглядом, решительным и надменным. Понимает ли она, какой вызов в ее глазах? Он в этом сильно сомневался. – Вы точно уверены, что хотите пойти со мной?

– Вы говорите так, словно сами хотите изменить свое решение.

– Не изменил, хотя должен был бы.

Дебора подняла на него взгляд и испытала мощный толчок влечения, сродни удару под ложечку. Эллиот не был красавцем, слишком резкие черты лица, но определенно обладал шармом. Она забрала у него свою руку.

– И куда мы направимся?

– Увидите.

– Вас ждет карета? Или лошадь?

– Это не столь далеко.

Дебора резко втянула в себя воздух.

– Вы имеете в виду... мы будем... прямо тут, в городе? Но разве это не...

– Слишком опасно? А разве не в этом смысл?

Дебора содрогнулась. Она представила дом, похожий на Кинсейл-Мэнор. Темноту ночи. Тишину загородного поместья. Фантазия на несколько секунд вытеснила реальность. Уличные фонари. Сторожа. Ночные гуляки. И конечно, много замков, засовов и слуг, с которыми придется сражаться.

– Что, решили передумать, леди Кинсейл?

Она напряглась от его насмешливого тона.

- Нет. И не называйте меня так.

- Дебора.

Он произнес ее имя со странной хрипотцой, которой она раньше никогда не слышала. Что-то внутри ее сжалось. Близость этого человека угрожала ее душевному равновесию. Пытаясь отвлечься, она приспустила пальто.

- Что вы думаете о моей одежде? Подходит для нынешней вылазки?

Длинные женские ноги в бриджах и сапогах. Кровь мгновенно прилила к паху. Он старался не думать, как выглядит ее попка, а эти прекрасные ножки обхватывают его талию. Носит ли она корсет?

- Это очень... - Откровенно? Эротично? Возбуждающе? Господи боже! - Очень практично, - закончил он, с трудом заставив себя оторвать взгляд. - Не знаю я, что вы этим раньше не занимались, решил бы, что вы опытная взломщица.

- Эта одежда валялась в сундуке, в доме, где я живу. Должно быть, еще от предыдущего жильца. Я не стала ее выбрасывать, но он так за ней и не вернулся. Наверное, он был очень невысок, потому что она прекрасно мне подошла. Смотрите.

Она вновь надела пальто как полагается и продемонстрировала его Эллиоту, явно не замечая эффекта, произведенного ее ножками.

- Думаю, нам пора двигаться, - быстро сказал тот и перешел на другую сторону улицы.

Дебора запахнула пальто, нахлобучила шляпу и поспешила за ним.

- Куда мы идем? И что собираемся украсть? Чей дом на этот раз? - спрашивала она, еле поспевая и с трудом переводя дыхание.

Они быстро миновали новые дома на востоке Ханс-Тауна и окольными улицами направились к Гайд-парку.

- Меньше знаешь - лучше спишь, - буркнул в ответ Эллиот.

Они свернули на север. Их путь лежал через конюшни, Дебора спотыкалась на грязной каменистой дороге. По мере приближения к Беркли-сквер дома становились все больше и больше. Когда они прошли Маунт-стрит и миновали еще одни конюшни, у Деборы стали сдавать нервы. Наконец они спустились по маленькой лестнице и оказались у стены какого-то подвала. Дебора глянула вверх, оценила высоту массивного здания перед ними и подумала, что ей сейчас станет плохо.

- Это Гросвенор-сквер, - прошептала она.

Эллиот кивнул. Она успела заметить его улыбку и вспомнила свое первое впечатление о нем. Опасный человек. Сильный прилив предвкушения растворил ее страх.

- Тот самый? - спросила она и благоговейно посмотрела на элегантный городской дом. Его окна напоминали глаза спящего.

- У вас есть последняя возможность передумать. Потом пути назад уже не будет, вы меня понимаете?

Он стоял так близко, что она чувствовала его нервную энергию, очень заразительную. Все ее внутренности словно завязались тугим узлом. Она кивнула.

Эллиот издал утробный, хриловатый смешок. Дебора, впервые услышав его в Кинсейл-Мэнор, задрожала.

- Хорошо, - сказал он, - тогда слушайте меня внимательно.

Неторопливо и методично он прошелся по всем подробностям плана, и она поняла, что он мог составить его только после тщательного наблюдения и прикидок. Продумал все до мелочей. Теперь она понимала, почему ему потребовалось больше недели, чтобы с ней связаться. Она его слушала настолько внимательно, что едва осмеливалась дышать, а затем, сосредоточенно нахмурившись, чтобы ничего не упустить, медленно и

кропотливо повторила все инструкции, шаг за шагом. Ей хотелось самой себе доказать, что она справится.

– Отлично. У вас превосходная память, – похвалил Эллиот, когда она повторила все во второй раз.

– А вы впечатляюще подготовлены, – усмехнулась в ответ Дебора.

– Надо знать свою территорию. У меня большая практика.

– Без сомнения, еще один полезный навык вашей военной службы. Если бы они только знали.

– Да, и еще одно. Я ожидаю от вас беспрекословного повиновения. Помните.

Он сказал это довольно беззаботно, но она не сомневалась в его твердости. Как и в том, что он всегда добивается абсолютного повиновения. И не страхом возмездия, но полным доверием, внушавшим его солдатам ту самую верность, которая сейчас вернула ей храбрость. Решительное желание не подвести, оказаться достойной.

– Все понятно, сэр. – Дебора насмешливо отсалютовала.

Эллиот улыбнулся в ответ.

Позади конюшен раздался бой часов. С противоположной стороны кто-то затушил свечу, ее отражение в неровном оконном стекле погасло. Городской дом на холме полностью погрузился во тьму.

– Хозяева рано ложатся спать, – прошептал Эллиот. – И рано встают.

Когда он завтра проснется, министр несколько обеднеет в пользу солдат, которых столько лишил. Своего рода справедливость и правосудие, на которое правительство оказалось неспособно. Его согрело тепло удовлетворения.

– Готовы? – спросил он Дебору.

Она кивнула, глаза блестели в полутьме. Эллиот наклонился и быстро поцеловал ее в ледяные губы.

– Идемте.

Замок поддался легко, но, как он и ожидал, конюшни оказались запертыми изнутри на засов, а нижние окна зарешечены. Прокатившаяся волна краж – праведные лондонцы обвиняли в них солдат, перед которыми когда-то преклонялись, – здорово обогатила мастеров и замочников. В последнее время они активно торговали своими услугами, предлагая защиту от несчастных бедняков, которым только и оставалось, что воровать. Эллиот кивнул Деборе занять свой пост на ступеньках, а сам распутал на талии веревку и прикрепил на конце небольшой крюк, выкованный по его личному заказу. Зацепил его с первого же броска и почти беззвучно – крюк был обернут тканью, что и приглушило звон металла. Он с силой дернул веревку, проверяя на прочность, и одним махом взобрался на второй этаж. Его ломик быстро справился с оконным замком. На остальное – подтянуть веревку, отцепить крюк, закрыть окно, легко соскочить с подоконника и крадучись вернуться по недрам дома обратно – ушли буквально секунды.

Он отодвинул засов и впустил ожидавшую его Дебору. Она неслышно скользнула в узкий коридор и последовала за ним на кухню. Притушенный огонь очага почти не давал света, но они все же смогли увидеть лестницу для прислуги, ведущую вверх.

Эллиот не смел воспользоваться фонарем. Дебора следовала за ним, не спотыкаясь, поскольку тоже отлично видела в темноте. Ее храбрость производила впечатление, а тихое, как тень, присутствие восхищало.

Картина находилась в глубине дома, в кабинете, рядом с тем помещением, куда он проник в самом начале.

– Ранний этюд Филиппа Четвертого, – шепнул Эллиот Деборе. – Он больше, чем я ожидал. Но это и понятно, в прошлый раз он висел в куда большем доме.

Она уставилась на откровенно уродливую картину, поражавшую великолепием черного и серебристого, красиво выполненную. Деборе она не понравилась.

- Вы что, видели ее прежде?

- В Мадриде. В доме нашего старейшего испанского союзника.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Дионисий – один из известнейших православных иконописцев Древней Руси.

2

Сапфо – древнегреческая поэтесса.

3

«Репозиторий Акермана» – модный иллюстрированный журнал начала XIX века, издававшийся в Англии.

Купити: <https://tellnovel.com/margerit-key/skandal-nye-priznaniya>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)